

Максим Ермаков

Максим Ермаков

Зуд

«Издательские решения»

Ермаков М.

Зуд / М. Ермаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742931-7

Герой, сопротивляясь предопределенности своей судьбы, нарушает равновесие миров, рожденных воображением поэта. Сюрреализм. Сны. Призраки. Тайны. И дождь.

ISBN 978-5-44-742931-7

© Ермаков М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Дом	7
Глава 2. Поэт дождя и ощущение времени	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зуд

Максим Ермаков

© Максим Ермаков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Этот мир продуман до мелочей. Здесь каждая деталь имеет свое значение и свой вес. Именно вес, ибо суть этого мира в равновесии. И каждая частность этого мира создана с тонким расчетом, с пристальным вниманием, с тщательностью. Этот мир – стройная структура, идеальная в своем совершенстве. Это механизм, настроенный безукоризненно для достижения поставленной цели. И вы, и я, мы все – те же продуманные до мелочей детали, существованием своим призванные служить решению задачи, суть которой нам понять не дано, ибо она определяется в неизвестных нам категориях. Наша инициатива бессмысленна, ибо и она просчитана – в ней нет личной воли. Свобода выбора – внесенная в уравнение погрешность. Все продумано. Все предопределено. Я рожу сына, и мой сын станет часовщиком. Иногда будет идти дождь, и мы раскроем наши зонты, а потом дождь пройдет, и мы будем кататься на лодках, щурясь от солнца. Но вы спрашиваете меня: что там, за рекой? Я отвечу вам. Там кончается мир. Там – ничего или там – все. Вы можете проверить, но это все равно ничего не изменит...

Глава 1. Дом

Пятиэтажный дом из багрового кирпича, темного, со слезными подтеками от долгих лет бесконечных дождей. Молчаливые окна, прячущие старость за плотной тканью штор. Балконы с наваленным в углах хламом – словно засохший гной в уголках глаз вечно сонного животного. Дождь проливается на покатуку черепицу крыши, ручейками струится вниз и по заржавелому стоку уже бурным потоком стремится к сливной трубе, там гудит от натуги, от тесноты, стонет, ревет и вырывается бешеной пеной на изнеможенный камень мостовой. И кажется, будто бы это разорванная аорта умирающего существа, из которой хлещет кровь, унося с собой жизнь. Но нет агонии, нет желания остановить смерть – дом ждет и не может дожидаться конца. Пока идет дождь.

К дому идет человек в темном, промокшем насквозь плаще с капюшоном. Человек останавливается, смотрит на дом, смотрит на рваную рану водосточной трубы, на белую пену, разбивающую камень, – он видит, как по трещинам мостовой убегает жизнь. Тонкой пленкой обволакивая землю, огибая деревья, скользкие от вечного дождя, вода вытекает на набережную и оттуда попадает в страдающую ненасытной жаждой бездонную реку. И в туманных безмерных водах теряются капельки жизни, заблудившись среди миллиардов других, таких же, только далеких и неизвестных.

Человек вздрогнул, сфокусировал потерявшийся взгляд, убрал со лба темную прядь мокрых волос, посмотрел на часы – 18:29; сумерки уже на исходе, скоро весь город спрячется в темноту. Бледно-синий, размытый весь день, в сумерках город обретает четкие линии, ясно прорисованные все той же синей краской – ненадолго, лишь на пару часов, он пробуждается от забвения и вскоре опять погружается в туман, бледнеет и засыпает.

Человек в капюшоне подошел к самому дому, к единственному крыльцу, прочел памятную табличку с облезлыми буквами – адрес тот. Господин Керлиц доступно объяснил путь: «По мостовой, вдоль леса, минут двадцать, а потом по аллее поднимитесь. Других таких домов нет, так что не спутаете». Человек поднялся по скользким деревянным ступеням под козырек: здесь было не так сыро, хотя сквозь мелкие щели потемневших от долгих дождливых дней досок козырька сочилась вода. Он скинул капюшон. Его звали Ежи, ему было около сорока, может быть, сорок пять.

У него темно-русые спутанные от влаги волосы, не слишком короткие и не слишком длинные; глаза чуть раскосые, миндалевидные, светло-карие; длинный нос, практически прямой, однако чуть-чуть, почти незаметно, вогнутый, отчего все лицо его кажется удлинённым, будто стремящимся к подбородку; узость же подбородка, заросшего недлинной бородой, худоба щек и тонкие губы способствуют впечатлению чрезмерной удлинённости и вогнутости лица. Профиль Ежи можно сравнить с убывающей луной, только-только прошедшей тот рубеж, когда солнечными лучами освещена половина ее видимого диска.

Ежи расстегнул молнию на плаще: свитер тоже был мокрым. Надо купить зонт, подумал он и посмотрел еще раз на часы: прошла минута – 18:30. В этот момент обитая войлоком дверь скрипнула старой тяжелой пружиной и приоткрылась. Светлая щель дохнула теплом. Ежи потянул за ручку: в дверном проеме стоял пожилой господин, маленький, сгорбленный, но в хорошем, сшитом на заказ костюме, из нагрудного кармана серого пиджака выглядывал белоснежный платок с вышитым вензелем «Р. Ц.». Слезающиеся старческой наивностью, но лукавые глаза вопросительно взглянули на Ежи:

- Вы господин Ежи?
- Да, – ответил Ежи.
- Господин Керлиц звонил мне по поводу вас.
- Он сказал, вы сдаете квартиры.

Теперь уже все шуплое тельце старика оказалось на крыльце, – груз многих лет свернул его позвоночник, отчего взгляд из-под густых бровей был еще пронзительнее и печальнее.

– Цамер, – представился старик, чуть склонив голову, – пожалуйста, входите.

И Ежи вошел. Подъезд встретил его прелым запахом пропитанных влагой стен, ему понравился этот запах: в нем была старина, тихое, медленно текущее время, неспешность мудрости, спокойствие и плавность. Стены были окрашены в темно-синий, кое-где краска треснула и порвалась – словно лопающийся пузырь вдруг застыл в движении, – там, внутри, чернела деревянная кожа, открывая красное мясо кирпича, прихваченное седыми волосками плесени. Под потолком болталась тусклая лампочка, высвечивая на потертых ступенях тени деревянных перил. Ежи шагнул вперед и незаметно для самого себя уже взбежал на три ступени, когда услышал позади голос господина Цамера:

– Не спешите так, молодой человек, я уже не так быстр, как раньше. Подождите меня.

Ежи остановился, обернулся – ему улыбнулись слезящиеся глаза старика.

– Раньше я любил ходить по этому дому, – медленно говорил господин Цамер, пока они переступали ступеньку за ступенькой, – знал каждый его уголок, каждый кирпичик. Я сам выстроил его... не удивляйтесь, молодой человек... много, много лет назад. Раньше весь дом был моим, я сдавал квартиры и жил безбедно и счастливо... Тогда жива еще была Роуз... моя Роуз. Но теперь все не так, теперь я продал почти все квартиры... осталось три: одна, с тремя комнатами, – на втором этаже, мы сначала туда заглянем... Вам бы хотелось сколько комнат?

Ежи пожал плечами – он не знал, какую хочет квартиру, она просто должна понравиться ему, как понравился запах в подъезде или плачущие кирпичные стены дома.

– Вторая, однокомнатная, – продолжал господин Цамер, – на пятом этаже, прямо под крышей, и моя, под первым номером, где мы жили с Роуз, – на первом. Давно уже не поднимался я выше первого этажа, тяжело мне это, – вздохнул господин Цамер. И только теперь понял Ежи, насколько действительно стар хозяин этого дома.

Дом делился на две части, соединенные под прямым углом, и имел девять квартир – пять трехкомнатных в длинной части, с первого по пятый этаж, и четыре однокомнатных в короткой, со второго по пятый.

Медленно они поднялись на площадку второго этажа.

– Вот он, номер второй, трехкомнатная, – старик Цамер перебирал сухими пальцам связку тяжелых чугунных ключей, – две комнаты на реку, одна к городу, меблированная, с отдельной кухней и ванной комнатой. Проходите, господин Ежи.

Темный коридор тянулся во всю длину дома и заканчивался сверкающим сумерками окном.

– Включите свет, – послышался за спиной голос господина Цамера, – там, слева... нашли?

Два пыльных круглых плафона, вмонтированных в кирпичный потолок, обволокли длинный коридор скудным светом – и Ежи представилось, будто он внутри огромной рыбы, проглотившей целый мир: толстый зеленый ковер; бархатные, миртового цвета, обои; картины в тяжелых золотых рамах, на которых изображены давно исчезнувшие пейзажи; истлевшие натюрморты и бледные лица умерших людей. Ежи ступил на ковер и провалился в болото мягких ворсинок – высокий влажный кожаный сапог тут же покрылся серыми снежинками пыли. Ежи прошел по коридору до конца и встал перед окном – по стеклу стекали ломаные струйки дождя, он присмотрелся к одной из них: в изогнутом русле двигались одна за другой крупные капли, словно лейкоциты в кровеносном сосуде.

За спиной скрипнула дверь. Ежи обернулся: в перспективе пыльно-зеленого коридора старик Цамер, согбенный под тяжестью лет, казался улиткой, неспешной и мудрой, древним монахом, входящим в свою келью.

– Здесь жили Келлеры, – говорил старик, – благословенное семейство... Благородные люди: муж, жена и две славные дочери-близняшки.

Коридор ожил: на ковре играли сестры, они сидели, поджав под себя ноги, и листали какую-то книгу, а солнце сломанными в толстом стекле лучами облизывало босые их ступни.

– Милые девочки, всегда жизнерадостные, озорные... Больше всего они любили быть на набережной – глядели, глядели в даль и, помню, все спрашивали: а что там, за рекой, что там?.. А однажды сели в лодку и уплыли в туман и больше никогда не вернулись. Утонули.

Пыль навалилась серой пеленой, накрывая сидящих на ковре девочек, и они растворились, впитав в себя пыль и став ее частью. А из пыли вновь явился убогий свет плафонов и сгорбленный Цамер у двери.

– Две сестры пропали в тумане... Несчастные Келлеры не перенесли утраты, они гасли на глазах. Он не выходил из своего кабинета, сидел и смотрел на часы, втягивая бледный дым трубки, кутаясь в его ядовитых клубах. А она... Ее можно было видеть на набережной: с первых лучей зари и до последних искр заката она бродила по ее гладким камням и тихо-тихо шептала имена дочерей. Но однажды она не вышла на набережную... Мы нашли их в кровати – они умерли во сне. Печальные старики со светлыми лицами...

Цамер замолчал. Ежи стоял у окна. Их разделял длинный коридор печальных воспоминаний.

– Прошу, господин Ежи, осмотрим кабинет, – старик шагнул, шаркая по ковру слабыми ногами и поднимая сизые облака пыли.

Он включил свет в первой по правую руку от входной двери комнате и зашел туда. Кабинет был небольшой. Слева во всю длину стены тянулись стеллажи с книгами в темных переплетах. Справа располагался диван, накрытый пледом, у его ножки стояла огромная каучуковая трубка, и, хотя ее не раскуривали уже многие годы, она наполняла комнату сладко-кислым запахом древней печали. В углу в пол выросли часы, их сердце замерло: метровый маятник с тяжелым медным диском застыл, и стрелки запечатлели навсегда момент времени – 2:32. Ежи прошел вдоль полок с книгами, касаясь старых переплетов, – книги дарили тепло, манили, ласкались. Ежи чувствовал каждую книгу – каждая целовала его пальцы... Этот поцелуй был глубок и прекрасен. Серый, с золотым узором переплет соблазнил Ежи. Книга легла в раскрытые ладони, распахнулась, и Ежи прочел:

Был путь нелегкий, долгий путь —
Две тысячи лет в слепом тумане:
По водам серым, словно ртуть,
В безмерном тихом океане,
Над волнами и под звездой,
Тревожа сонных рыб,
Я шел из дома и домой —
Я жив был и погиб.
Мне на пути не встретился никто,
Я сам с собой играл мирами,
И одиночество
Мне истину писало облаками.
Путь бесконечный, путь длиной
В две тысячи долгих лет —
Я шел из дома и домой,
Я молод был и сед.
Я пел, читая в облаках
Стихи других миров,
И, заблудившись в звездах и волнах,
Уснул средь рыбьих снов,

Пропал в безвременье, в клубах
Пропитанного истиной тумана
И в одиночестве
Безмерного, слепого океана.

– Вижу, вы любите книги, – старик Цамер стоял рядом, и глаза его пробежали по строкам стиха, – и они любят вас. Знаете, вы всегда можете посещать этот кабинет и брать книги. Даже если не поселитесь в этом доме. Ведь книги скучают без человека.

– Благодарю вас, господин Цамер.

Ежи поставил книгу на полку и подошел к окну. Незашторенное стекло отражало освещенную комнату – Ежи увидел себя. Пыль, привлеченная влагой, металась вокруг – фигура Ежи светилась пылью. Рядом стоял старик Цамер, сухой и темный. Часы молчали, дождь отмерял секунды каплями о стекло.

– Идемте дальше, господин Цамер.

Они вышли из кабинета, и старик открыл дверь напротив.

– Гостиная и спальня, – комментировал он. – Вообще-то это одна комната, но Келлеры отгородили угол и поставили кровать – им нужна была детская после рождения двойняшек.

Комната была довольно просторной. Ширма из толстого, с рисунком бежевых цветов, войлока отгораживала импровизированную спальню супругов. Это создавало уют, делая комнату асимметричной. На стене висел огромный серый ковер с рисунком: две причудливо переплетенные змейки красного цвета, скованные двойным золотым кольцом. Под ковром стоял диван, и три кресла вокруг тяжелого дубового стола. В углах – подсвечники из почерневшего серебра с толстыми плакучими свечами. Слезы застыли крупными каплями воска: печаль замерла в движении, но не стала от этого менее горькой. И опять пыль – толстым слоем повсюду, укрывает серой вуалью, словно пытается спрятать, уберечь эту квартиру от посторонних взглядов, от новой жизни, которую несут эти взгляды, от новых бед, которыми пропитана жизнь, и от новой печали.

Ежи подошел к столу. На толстом бордовом бархате скатерти стояли массивный телефонный аппарат и фотография в деревянной с витым узором раме. Ежи взял фотографию и в тусклом свете дрожащих синим по периметру потолка ламп разглядел два совершенно одинаковых улыбающихся личика.

– Их волосы рыжие, – сказал Ежи тихо.

– Простите, что вы сказали? – не расслышал старик Цамер.

– Нет, нет, ничего, – Ежи поставил рамку на стол. – Уйдемте отсюда.

Он резко повернулся, фотография выскользнула из рамки, пролетела по комнате и упала к ногам старика.

– И что же, не осмотрите другие комнаты: детскую, кухню, ванную? – произнес Цамер, поднимая фотографию и внимательно рассматривая черно-белые лица сестер.

А Ежи смотрел за ширму, туда, где, поблескивая черным шелком волнистого покрывала, стояла широкая кровать, пустая и холодная, словно глубокая яма, на дне которой протухает лужа дождевой воды.

– Нет, уйдемте, прошу вас, мне здесь не нравится.

Полной грудью Ежи вдыхал сырость подъезда – умиротворяющий запах влажных стен успокаивал, спазм в желудке медленно отпускал.

– Вам лучше, господин Ежи? – спросил Цамер.

– Да, да, спасибо, – отозвался Ежи и провел ладонью по липкому лбу. – Идемте дальше.

И они поднимались дальше – медленно, по стоптанным ступеням, чуть касаясь скрипучих перил. Ежи шел позади. Старику Цамеру тяжело давался каждый шаг, он двигался неспешно, но размеренно, каждое слово отдельно и тяжело падало с его губ.

– Теперь большинство квартир пустует. В однокомнатной, под номером третьим, на втором этаже, никого нет. И на третьем этаже – пустая трехкомнатная, номер четыре, а вот в пятом номере, однокомнатной, живет господин Ворник, мой хороший старый друг. Вот здесь... – Цамер указал на темно-бордовую дверь с цифрой «5».

– ...Но мы не будем теперь его беспокоить. Вы обязательно познакомитесь с ним, он частенько бывает у меня в гостях. Я давно предлагаю ему переехать ко мне – почему бы двум старикам не обрестаться вместе? Но он все отказывается. Идемте дальше.

И они поднимались дальше.

– На четвертом живет чета Вельт, – продолжал господин Цамер, – муж и жена, бездетные, они в трехкомнатной, номер шесть, а однокомнатная, седьмая, пустует... Вы можете представить себе, господин Ежи, как это печально для меня видеть свой дом пустым? Ведь в доме должны жить...

– Это как с книгами, – ответил Ежи.

– Значит, вы меня понимаете, – вздохнул Цамер.

Этаж за этажом проплывали вниз неторопливо. Полумрак и тишина подъезда успокаивали Ежи, безмолвные стены, безмятежные, бестревожные, дарили Ежи мир. Медленно. Тихо. Каждая ступенька была прочувствована, каждая познала тяжесть его сапога, каждый шаг восстанавливал равновесие.

– Может быть, эта квартира вам понравится больше, господин Ежи, – сказал старик Цамер, когда они поднялись на пятый этаж. – Чудесный вид, под самой крышей. Вот он – номер девятый, однокомнатная.

– Номер восемь, – поправил Ежи.

На двери висела золоченая цифра «8». Ежи легонько тронул ее, и цифра крутанулась на маленьком гвоздике, прибитом в самую серединку.

– Восемь... значит, восемь, – старик Цамер вставил ключ, повернул и отошел в сторону, предлагая Ежи самому открыть дверь.

Ежи вошел. Навстречу ему взметнулся поток холодного, сырого воздуха – форточка была открыта, и комната дышала ледяной свежестью реки. Ежи подошел

к окну и прикрыл форточку. За окном мокрыми камнями блестела набережная, уже стемнело, но ряд тусклых фонарей высвечивал живые от бегущей в них воды трещины мостовой.

Ежи взглянул на часы – 19:08, отошел от окна и, остановившись посередине комнаты, посмотрел вверх: потолок был покатым, чердака в доме не было – потолок был крышей. По черепице стучали капли дождя, этот звук понравился Ежи, он представил, как будет засыпать, слушая плавные песни воды. Кровать стояла в углу, слева от окна, и наклонная крыша – словно полог над ней. Ежи присел на мягкий матрас и закрыл глаза, – дождь шептал что-то, Ежи не понимал смысла, но речь его была прекрасна и успокоительна.

– В этой квартире никогда никто не жил, – сказал старик Цамер.

– Значит, я буду первым, – ответил Ежи.

– Вас это не смущает?

– Уж лучше быть в начале собственной истории, чем в продолжении чужих воспоминаний. Я сниму эту квартиру.

– Она ждала вас, – старик Цамер отделил от связки тонкий, почти невесомый черный ключ и протянул его Ежи. – Когда въезжаете?

– Сегодня же, – Ежи открыл глаза и взял ключ.

– Тогда я занесу вам постельное белье.

– Благодарю вас, господин Цамер.

Ежи сам запер дверь, и они начали спускаться. На третьем этаже Цамер остановился:

– Вы идите, господин Ежи, а я зайду к моему другу. Вот уж он не ожидает, что я сам поднимусь к нему.

– Всего доброго, господин Цамер.

На улице было прохладно и темно. Ежи застегнул плащ, накинул капюшон и, спрятав руки в карманы, шагнул в промозглую темноту. Он шел по аллее, ступая почти наугад, ощущая под ногами мягкую топь опавших листьев – здесь не было ни одного фонаря. Запах прелой листвы, схожий с запахом гнилого дерева или с запахом ржавого железа, проникал в самый мозг, одурманивал и пьянил, – Ежи казалось, будто он плывет во тьме в потоке бесчисленных капель дождя и, огибая стволы деревьев, подныривая под корни, вливается в бездонную реку, растворяется там. Он обернулся: сквозь мрачные тени деревьев светились окна дома. Моего дома, подумал Ежи и вскинул голову, подставляя лицо дождю, – он пытался узнать место, где скоро будет светиться его окно.

На набережной было светлее: через каждые десять метров стоял фонарь, а под каждым фонарем висели часы, большие, круглые, с толстым пыльным стеклом и черными стрелками на белом циферблате. Те, что были исправны, показывали 19:16. Ежи пошел вдоль чугунной решетки, по самому краю набережной. Внизу чернела вода, переливаясь в свете фонарей ртутными бликами. Ежи шел, иногда дотрагиваясь ладонью до мокрых перил решетки, почему-то ему хотелось касаться их, скользить, как по рельсам, но рука замерзала, и ему приходилось прятать ее обратно в карман, чтобы согреть.

Лес начал редеть, сквозить светом – город был близко. Деревья сменились домами, в некоторых окнах горел свет. Ежи свернул с набережной на узкую улочку; он помнил дорогу, хотя прошел по ней лишь раз, когда направлялся на встречу со стариком Цамером. Мокрые каменные мостовые, как рыба чешуя, скользкие и блестящие, петляли, кривились, неумолимо унося Ежи к центру города. Перед двухэтажным кирпичным домом, ничем не отличающимся внешне от соседних строений, Ежи остановился. Поднял глаза и увидел знакомую табличку: на двух коротких чугунных цепочках болталась тяжелая медная туча с выбитой надписью: «Далекая Пристань. Гостиница». Ежи взглянул на часы – 19:47.

Вчера, примерно в это же время, он стоял здесь, промокший до самых костей, разбитый и утомленный. В голове гудела бесконечным эхом пустота: прошлого нет. Есть данность: он – под дождем в темноте незнакомых улиц, перед ним фасад кирпичного дома в сдержанном классическом стиле и табличка: «Далекая Пристань. Гостиница». Он толкает тяжелую дверь и входит. Внутри тепло, даже душно – горит камин, тени пляшут на толстых пожелтевших мраморных колоннах; широкая лестница, устланная темно-фиолетовым ковром, ведет на второй этаж, над лестницей в жутком предчувствии покачивается огромная бронзовая люстра, на ее бледных лампах, большая часть которых не горит, осела древняя пыль. Он подходит к стойке регистрации, за ней спит человек – его губы приоткрыты, и седые пушистые усы чуть заметно колышутся при каждом выдохе. Он улыбается во сне, в морщинках в уголках губ читается блаженство. Ежи тянется к звонку, но не звонит – убирает руку. Он подходит к креслам, стоящим у камина, садится и невидящим взглядом смотрит на огонь.

Расчесанные широким гребнем барханы белого песка сливались на горизонте с белым безоблачным небом. Все вокруг было белым. И только круг изморенного, дымящегося солнца был красным. И только куб шелкового шатра был черным. Внутри – она. Ее одежда – легкое белое платье, она босая, а волосы черные, распущены и струятся. На ее ладонь льется вода тонкой прозрачной струйкой, вытекая из ниоткуда и утекая в никуда. Она смотрит прямо в глаза, улыбается. Долго. Можно почувствовать, как шевелятся барханы, как песчинки перемешиваются – текут, подвластные ветру. Можно почувствовать жизнь. Воздух раскален. Солнце безжалостное, расточительное. Вода льется на ладонь. Она улыбается. И вдруг протягивает ладонь. Касаешься – ладонь сухая. Она кладет вторую ладонь сверху и говорит: «Не важно, как долго вода лилась на мою ладонь, – я оботру ее, и ладонь снова станет сухой».

– Господин...

Ежи приоткрыл глаза и сквозь мутную пелену сна увидел пушистые усы, которые говорили с ним.

– Господин, чем я могу быть полезен? Я Керлиц, хозяин этой гостиницы. Может быть, вы желаете снять комнату?

Ежи открыл глаза, сон ушел, камин пылал все так же яростно, одежда почти высохла, но усталость осталась, хотелось снова закрыть глаза и очутиться в черном шатре. Ежи посмотрел на часы – 20:34.

– Простите, не подскажите ли, который час, мои часы стали спешить, и я им перестал доверять, – произнес усатый господин, перенеся склоненную голову с правого плеча на левое.

– 20:34, – ответил Ежи, еще раз взглянув на часы. – Я не хотел будить вас, господин... – Ежи замялся, забыв имя.

– Керлиц, – усатый господин располагающе улыбнулся.

– ...Господин Керлиц, мне очень неловко, что я вот так уснул. Меня зовут Ежи, я...

– Это я должен извиниться, что спал на рабочем месте, – перебил Керлиц, – но в последнее время так плохо засыпаю, что, уснув наконец, просто ничего не замечаю. Может быть, вам нужен номер, господин Ежи?

Ежи пожал плечами:

– Да, пожалуй...

– Тогда пройдемте к стойке регистрации, – во время всего разговора находившийся в полусогнутом положении, нависая над сидящим Ежи, Керлиц резко выпрямился, как струна, и быстрым шагом, сложив руки за спиной, направился к стойке.

Ежи встал, взял стоящий около кресла рюкзак, перекинул через руку плащ и пошел вслед за ним. Какой-то он неестественный в своих резких движениях, подумал Ежи, пожалуй, ему больше подходит безмятежное состояние сна, в котором он пребывал, когда я только вошел.

Керлиц уселся в кресло, нацепил на нос маленькие круглые стеклышки очков, раскрыл толстый, в кожаном переплете, журнал и, макнув перо в чернильницу, уставился на Ежи, но тут же отвел взгляд и, глядя на кончик пера, произнес деловито:

– Итак, господин Ежи, вы желаете номер?

– Да, – Ежи даже не успел еще произнести это короткое слово, а Керлиц уже говорил дальше.

– Очень хорошо, – он записал что-то в журнале. – Вам одноместный?

– Да.

– Ясно, – опять что-то записал. – Вы к нам надолго?

– Собственно... я не знаю...

– Так, – и опять какая-то запись.

Рядом с журналом, под левой рукой господина Керлица, лежали часы – красивые, старые, на тонкой золотой цепочке, чудесная вещь.

– Это и есть ваши часы, господин Керлиц? – спросил Ежи.

– Да. Жаль, они подводят меня... я их не ношу, – ответил Керлиц и отодвинул часы в сторонку.

– Позвольте посмотреть.

– Нравятся? – улыбнулся Керлиц, подавая часы, – старинная работа!

– О да, прекрасные... – ответил Ежи, разглядывая гравировку тонкой работы на золотом корпусе: волнистые водоросли, молчаливые рыбы и жемчужные раковины.

– Но не отвлекаемся, – господин Керлиц снова уткнулся в журнал. – Вы к нам откуда?

– Сложно сказать... – Ежи открыл заднюю стенку часов и любовался работой механизма.

– Понятно. Чем будете заниматься?

– Не знаю, – перочинным ножичком, который всегда был в кармане, Ежи подкрутил маленький винтик.

– Что ж, замечательно! – господин Керлиц захлопнул грессбух и встал. – Пойдемте, я покажу вам ваш номер.

– Возьмите часы, господин Керлиц, я починил, там пружина немного ослабла – теперь не должны спешить, – Ежи протянул ладонь с лежащими на ней часами.

Но господин Керлиц не спешил забирать свои часы, он смотрел на протянутую ладонь, и во взгляде его читалась непередаваемая эмоция, неопределяемая, но невероятно яркая. Медленно он перевел взгляд на Ежи, поправил очки на носу, глянул через стекла, поморщился, резко снял очки, не отрывая взгляда, и произнес, будто вздыхая:

– Так вы часовщик...

Ступени широкой лестницы одна за другой плыли вниз, ковер шелестел фиолетовым ворсом, долго сохраняя следы, качалась бронзовая люстра. Они поднимались в номер.

– Поймите, – говорил Ежи, – я не часовщик.

– Но как же? – возражал господин Керлиц. – Ведь вы починили мои часы.

– Это было несложно, просто подтянул пружину, каждый бы справился.

– Далеко не каждый! Совсем не каждый! – Керлиц забежал чуть вперед и, пристально взглянув в глаза Ежи, добавил: – Вы не понимаете...

Ежи ускорил шаг.

– Чем вы намерены заниматься? Ведь вы можете быть часовщиком. В нашем городе нет часовщика, а многие часы сломаны, – задыхаясь, говорил Керлиц, еле поспевая по ступеням за Ежи.

– Господин Керлиц, – Ежи остановился, – поймите же, я не чиню часы, я никогда этим не занимался. Не знаю, что на меня нашло, когда я взял ваши... – Ежи помедлил, а потом добавил резко: – И вообще, я не расположен сейчас обсуждать перспективы моего дальнейшего пребывания здесь, я устал! Я, может, завтра же уеду!

Керлиц замолчал и сник. Они поднялись на второй этаж – по периметру тянулся ряд дверей красного дерева с бронзовыми номерками. Они подошли к номеру «4». Керлиц открыл дверь, вошел и включил свет, Ежи последовал за ним. Широкая комната в синей гамме: темно-синие шторы, синий ковер, синие обои с золотым рисунком несуществующих птиц, поющих беззвучные песни тишине. Кровать, письменный стол, несколько кресел, потемневшее зеркало в позолоченной раме, под зеркалом тяжелая напольная ваза из синего, с белыми прожилками, камня. Ежи прошел к кровати, кинул плащ и сел – в зеркале напротив отразилось усталое, бледное лицо с мутным взглядом и взъерошенными кудрями высохших волос.

– Господин Ежи, – Керлиц стоял в дверях, – позвольте мне пригласить вас в одно заведение, здесь, неподалеку. Я был чересчур навязчив, несдержан, хотя должен был понять, что вы, конечно, устали с дороги и вам не до разговоров. Позвольте мне загладить свою вину. Здесь недалеко есть бар... Думаю, хорошая выпивка пойдет вам только на пользу и долгожданный сон будет слаще.

Ежи посмотрел на Керлица, на его пушистые белые усы, скрывающие блаженные морщинки в уголках губ, перевел взгляд на себя в зеркале, усмехнулся и прошептал:

– Собственно, почему бы и нет.

– Вот и славно, – Керлиц улыбнулся. – Тогда идемте.

Ежи накинул еще мокрый плащ, закрыл номер, и они, преодолев спуск по фиолетовой лестнице, вышли на улицу. Дождь шел все так же мерно, без надрыва, соблюдая ему одному известный ритм. Керлиц раскрыл широкий черный зонт, Ежи накинул капюшон. Керлиц жестом предложил Ежи разделить его зонт, Ежи так же жестом отказался, и они пошли. Часы показывали 21:06. Улицы были пустынные. Окна темны. Казалось, во всем городе живет

один только дождь, но и он своим существованием лишь оплакивает несбыточную мечту о собственной смерти.

Они прошли три дома, свернули налево в узкий переулок и оказались у дубовых дверей с вывеской «Чистая капля». Это был уютный небольшой бар с низким потолком и клубами сизого ароматного дыма, плывущего под ним. Хозяин бара, которого звали Том, встретил их доброжелательной улыбкой, – он медленно перетекал за барной стойкой, лениво и плавно разливая по стаканам выпивку, его грузное темное тело формой напоминало огромную каплю виски. Отсутствие скелета у хозяина компенсировалось толстыми дубовыми балками, которые, будто ребра, держали кирпичное мясо потолка и стен. – Здесь, в баре, Том был черепахой в панцире, наutilusом в раковине.

В баре, кажется, никого не было – может быть, несколько смутных теней в углах, но их не разглядеть. Играла музыка: тягучий и глубокий контрабас, цыкающая перкуссия и нежная, меланхоличная скрипка; вместе с табачным дымом звук струился под потолком, обретая визуальное воплощение в воздушно-синих завитках и кольцах; звук был видим и слышен, казалось, он должен быть и осязаем, казалось, к нему можно прикоснуться, ощутить его тепло и пульс.

– Садитесь, господин Ежи, а я принесу выпить, – сказал Керлиц и направился к стойке.

Ежи подошел к столику у зашторенного окна, повесил плащ на чугунную вешалку, стоящую рядом, сел и отвел рукой штору: за окном в свете уличного фонаря широкими стежками светлых нитей дождь прошивал пространство.

– Вам нравится здесь?

Ежи обернулся. Над столом, держась неверной рукой за край, в неестественной позе, шатаясь, висел странного вида человек: рыжая копна нечесаных кудрявых волос, мутно-голубые глаза, горящие тусклым красным от выпитого, зеленая, в разводах, мятая рубаха нараспашку и початая бутылка виски, пляшущая в тонких белых пальцах. Он улыбался, яростно жестикулировал и безумно вращал глазами, нигде не задерживая взгляда дольше, чем на секунду, успевая при этом хлебнуть из бутылки и затянуться жадно длинной сигаретой. Он выглядел молодо, ему было около сорока, а может быть, меньше.

– Вижу, что нравится, – не дождавшись ответа, продолжал он, упав на стул напротив. – Знаете, меня это место невероятно притягивает, мне кажется, будто все мое детство прошло здесь. Да-да, среди этих сонных барменов, которые, как ленивая мать, предлагают свою соску; среди этих бутылок, которые, кажется, существуют лишь для того, чтобы продемонстрировать человеку, какое множество цветов и оттенков, подчиненных каждый своему вкусу, может существовать на белом свете; среди этих милых пьяниц, каждый из которых, собственно, не пьяница, а священник в этом храме... Ха! Среди женщин всех возрастов и любых адресов, среди табачного дыма, который, по сути, являет собой сами небеса. Так вот, среди всего этого я чувствую себя как дома, я нахожу себя в колыбели, и моя погрешка – это моя рюмка. Ха!..

Ежи не понимал и половины, того, о чем говорил этот человек; манера его речи усугубляла трудность понимания – эта крикливая скороговорка запутывала и раздражала. А человек продолжал вещать, вырисовывая руками безумные фигуры, совершенно не совпадающие с сутью его высказываний.

– Знаете, я часто тренируюсь в предсказании будущего, правда, еще ни разу не получилось... Ха! Хотя мне кажется, что у меня хорошие данные. Однажды предсказал знакомой даме бурный роман, но она отказалась. Да и ладно бы просто отказалась, так ведь эта истеричка натравила на меня своего двоюродного братца. Признаюсь, я впервые видел говорящую бомбу! Ха! Но представьте мое удивление, когда эта бомба вдруг залилась горячими слезами чуть ли не на моем плече. Рассказать? Вы просите рассказать?

Ежи ни о чем не просил. Не находя в себе силы сопротивляться шальному этому напору, он мутным взором, в котором читалась мольба, искал за барной стойкой Керлица. Но Керлиц не

видел его, он показывал Тому свои часы, стучал по стеклышку толстым ногтем указательного пальца и доверительно шептал:

– Он часовщик... ты понимаешь?

– Да брось ты, Керлиц... – бурчал Том, выдыхая в идеально чистый стакан и протирая его бархатной тряпочкой.

– Он починил мои часы, видишь? – Керлиц поднес часы к самому носу Тома. – Вот сколько на твоих, Том?

– 21:11, – устало пробасил Том, ему пришлось ворочать шеей, чтобы глянуть на стенные часы, висящие над барной стойкой.

– Вот. И у меня 21:11. А ведь они спешили, если ты помнишь.

– Помню, помню, – бубнил Том, – кажется, они и теперь не в себе. Ну, часовщик, хорошо... чего же ты так возбужден, чего кричишь?

– Не знаю... пока не знаю, – ответил Керлиц, – но я с этим разберусь обязательно. Есть кое-что, о чем я тебе не рассказывал... но не сейчас... надо... надо подумать.

Том пожал плечами.

– Так, значит, рассказать? – продолжал рыжий безумец, закуривая новую сигарету. – Что ж, пожалуй... Но вы, я надеюсь, никуда не спешите? Потому что, если уж я начну рассказывать, то меня не остановишь, – он в очередной раз махнул рукой, сам поймал свой жест взглядом и прилип. На протяжении дальнейшего монолога и соответственно сопутствующей ему жестикеуляции он не мог оторвать глаз от своей руки и следил за ней, куда бы она ни летела, выделявая очередной кульбит.

– Меня не остановишь. Сразу предупреждаю: если вы уйдете посреди рассказа, я смертельно обижусь. Ха! Да, это я могу! Я однажды ужасно обиделся на одного своего приятеля. Знаете, дал этому прохвосту свою машину... вы видели мою красавицу, мою крошку? Видели? Как, нет?! Пойдемте же, пойдемте, я вам ее покажу! А по пути я вам расскажу о том, как я ее купил. Да! Это целая история! Пойдемте же!

Не отпуская свою руку взглядом, рыжий схватил этой самой рукой Ежи за рукав свитера и потянул, пытаясь подняться сам, но ноги его не послушались и он бухнулся обратно на стул. И в этот момент над столом возник господин Керлиц, усы его, казалось, распушились от возмущения; твердой рукой он взял пьяного безумца за ворот его зеленой рубахи, поднял, встряхнул и, глядя через стеклянные глаза в самую душу ошарашенного болтуна, степенно произнес:

– Иди домой, Фреди, проспись.

И Фреди вдруг сразу обмяк, ссутулился. Он медленно поплелся куда-то в угол, где, видимо, сидел до этого, бухнулся на стул, хлебнул еще виски и, уставившись в пустоту, зашевелил губами, неслышно рассказывая о чем-то видимому только ему одному покорному слушателю.

– Как вы, господин Ежи? Вам нехорошо? – Керлиц сел напротив Ежи, на столе уж стояли две темные кружки с янтарной жидкостью.

– Кто это был? О чем он говорил? – Ежи постепенно приходил в себя, хотя виски напряженно гудели, резонируя в унисон струнам контрабаса.

– Это Фред. Он все время пьян – долгая история... не к месту... Не обращайте внимания на его бред, он несет всякий вздор, сам не зная, о чем говорит. Не от мира сего. Его никто здесь не понимает, все его сторонятся, а он живет в своих фантазиях. В общем, он совершенно безобиден, хотя и ведет себя дико. Но зла не причинит. Так что не волнуйтесь. Вот выпейте, это эль, он поможет вам успокоиться, – Керлиц придвинул Ежи литровую кружку и сам отпил из своей.

Упоительно-нежный запах меда, мускатного ореха и можжевельника наполнил легкие Ежи, разбежался по крови, согревая каждую клеточку тела, лаская каждый напряженный нерв, а первый глоток словно утвердил начало новой жизни.

Они сидели долго, молча потягивали эль. Господин Керлиц был тактично тих и только улыбался усами, когда Ежи поднимал на него взгляд. То и дело он зевал и, казалось, постепенно возвращался в состояние той дремотной неги, в котором застал его Ежи, войдя в гостиницу.

Подошел Том, протянул две толстые трубки, набитые мягкой кудрявой травой, и поставил на стол чашу с красно-черными угольками, – они закурили, закутались в туман пряного дыма. Голова очистилась, став светлым храмом чувственных восприятий. Ежи вдыхал запахи, созерцал движения и внимал звукам – ощущая их совокупную целостность, их миротворящую сущность, он любовался волшебством созидания действительности. Время не спешило, заполняя сосуд реальности настоящим. Время неизменно убивало и рождало себя.

Ежи видел мир словно бы впервые, он упивался своими ощущениями: мир завораживал его, заманивал все глубже и глубже внутрь себя; он осознал вдруг, что уже очень давно нуждался именно в этих чувствах и всеми силами стремился их испытать.

– Спасибо, господин Керлиц, – сказал Ежи, – спасибо, что пригласили меня сюда.

– Что вы, господин Ежи, это мой долг как гостеприимного хозяина.

– И все же спасибо. Я, пожалуй, еще не раз загляну в этот бар. Здесь очень уютно.

– Так вы все-таки решили остаться у нас, господин Ежи? – улыбнулся Керлиц.

– Да... Откровенно говоря, я все равно не знаю, куда мне идти. А здесь, кажется, лучшее место, чтобы подумать об этом.

– Тогда, быть может, вам стоит снять квартиру? Один пожилой господин, господин Цамер, сдает квартиры, я могу позвонить ему насчет вас.

– Буду вам благодарен, – ответил Ежи.

– Завтра же позвоню.

– Спасибо.

На часах было 19:47. Ежи вернулся в «Далекую Пристань», чтобы забрать свои вещи и, как и обещал господину Цамеру, сегодня же въехать в только что выбранную квартиру под номером «8» на пятом этаже.

– А, господин Ежи, посмотрели квартиры? – господин Керлиц отложил кочергу, которой шевелил угли в камине, неторопливо подошел к Ежи и пожал ему руку. В нем теперь не было ни следов заспанного блаженства, ни этих дерганных движений неоправданной спешки.

– Да. Съезжаю, – ответил Ежи. – Пришел за вещами...

– Я рад, рад...

Ежи поднялся в свой номер, взял рюкзак, который так и не раскрыл со вчерашнего дня, посмотрел в зеркало и решил еще раз про себя, что все-таки необходимо приобрести зонт.

Спустившись в холл, Ежи положил на стойку регистрации ключ от номера. Керлиц что-то писал в журнале, видимо, делал необходимые пометки о выезде жильца.

– Я хотел спросить вас, господин Керлиц, где можно купить зонт?

– Зонт? Здесь, совсем недалеко: выше по улице, к центру, увидите. Но теперь, наверное, уже закрыто.

– Ничего, я пойду завтра. Всего доброго, господин Керлиц, и спасибо. – Ежи направился к дверям, но Керлиц окликнул его:

– Постойте, господин Ежи, постойте. Я хочу дать вам вот это. – Он протянул Ежи брелок в виде миниатюрных песочных часов, которые, впрочем, могли измерять время, самые малые отрезки его; на брелоке висели два ключа: – Возьмите, это от мастерской часовщика...

– Но я... – попытался возразить Ежи.

– Просто загляните туда. Это совсем близко с магазином зонтов, сразу за площадью, – настаивал Керлиц, – просто загляните.

– Хорошо, я зайду, – Ежи взял брелок, а Керлиц расплылся в довольной улыбке. – Всего доброго.

– До свидания, господин Ежи.

Синим лабиринтом улиц, высланных рыбьей чешуей и доверху заполненных непрекращающимся дождем, уже таким естественным и привычным, Ежи попал на набережную и опять пошел по самому краю, вдоль чугунной решетки, скользя ладонью по мокрым рельсам черных перил. Тени меняли друг друга, – чем дальше Ежи отходил от одного фонаря и чем ближе подходил к другому, тем длиннее и бледнее становилась первая тень и тем крепче и мрачнее делалась вторая, догоняющая ее. И вот уже первая пропала вовсе, расплывшись и растворившись во тьме, а на ее месте царил вторая, преследуемая уже третьей. Ежи любовался этим хороводом теней: казалось, будто древние духи кружат вокруг, заинтересованные им, новым персонажем, в этом постоянном, хронически неизменном городе, в этом константном мире тишины, дождя и сумрака. Ежи шел, а набережная была бесконечной – только деревья, только река и ряд фонарей, уводящий в даль. И Ежи постепенно сливался с этим миром – размытый силуэт на темно-синем фоне. Дождь, тишина и сумрак. Ежи возвращался домой.

20:32. Проходя по мягкому ковру листьев темной аллеи, Ежи заметил светлые окна на четвертом этаже: это чета Вельт, наверное, готовится ко сну. Нужно будет зайти познакомиться, подумал Ежи, не сегодня, конечно. На третьем этаже тоже горело окно – Цамер и Ворник еще сидят, выпивают очередную рюмку рубинового хереса и греют ноги у электрической печки. Ежи вошел в подъезд, поднялся на пятый этаж, вставил ключ в замочную скважину своей квартиры, отпер дверь и вошел – золоченая цифра «8» крутанулась на гвоздике. Он включил свет, снял плащ, расшнуровал высокие сапоги и прошел к окну – длинной светящейся гусеницей тянулась набережная, туманной ватой белела река. Устало Ежи сел на кровать: напротив, справа от окна, стоял письменный стол, на котором аккуратной горкой лежало постельное белье – господин Цамер не забыл. Справа от двери, в ногах кровати, – шкаф. Слева от двери располагалась кухня, ничем не отделенная от общей комнаты. Она представляла собой длинный стол с раковиной и газовой плиткой, заваленный всяческой кухонной утварью: две старые кастрюли, чугунная сковорода, несколько тарелок, вилки, ложки, ножи. Тонкая стена делила квартиру на основную комнату и ванную, пройти в которую можно было через кухню. Ежи снял свитер, оставшись в одной майке, бросил свитер на стул, стоящий у письменного стола, снял носки и сжал пальцы ног, а затем медленно расправил их, погружая в мягкий ворс серого, с синими полосками, ковра. По всему телу пробежала приятная томная дрожь. Посидев так некоторое время, Ежи прошел в ванную комнату, небольшую, теплую, с приглушенным светом, и включил воду – толстая струя ударила по белой эмали чугунной ванны. Ежи прикрыл дверь, дабы не выпускать тепло. Маленькая ванная наполнилась белым влажным паром, зеркало запотело. Ежи лег в воду и закрыл глаза; он словно чистый лист, хотя и не новый, – прежняя запись стерта, а новая еще не написана. Ежи погрузился в воду с головой...

Бесцельно брожу по городу, может быть, загляну к Зайцу. Жара жуткая! Просто дичь! Солнце похоже на курицу гриль, а город, как душевнобольной, весь в поту и в бреду. А на мне короткие шорты и легкие тапки. Иду, курю и смотрю сквозь солнцезащитные очки на всю эту безумную яичницу с луком, которая и есть мой мир. Огромный город беспорядочно движется, как бесформенная амеба; улицы перетекают людскими массами: десятки, сотни, тысячи миллиардов человеческих особей обоих полов выползли под палящие лучи адски раскопегаренной звезды и совершают разнообразные действия – ходят, стоят, сидят, лежат, открывают рты. И каждый из них личность с присущей только ему одному тонкой структурой организации внутреннего мира, неповторимого, уникального, бесценного – разноцветные, разноликие, разносторонние.

Я немного не в себе, немного зол. Все потому, что меня сегодня разбудил телефонный звонок. А я ненавижу, когда меня будят телефонным звонком – как угодно, но только не телефонным звонком. А звонил Квельый – мой друг-минус (минус, потому что я его не очень варю, у меня есть и друг-плюс, это Заяц). Звонил с «новостью». А новость всегда одна. Нашел он, видишь ли, наконец-то ту единственную сиську, которая всем сиськам сиська! А дальше начи-

нается: это, мол, такая грудь, просто-таки растакая, чудовая, шедевральная, гиперультра-эпическая, и гениальнее этой груди нет, ищи-свищи! Он теперь на нее круглые сутки тарачится, все глаза просмотрел. Приходи, мол, и ты, посмотри, восхитись и пади ниц! Новость эта появляется в эфире Квелого с периодичностью примерно раз в две недели, и почему-то именно мне она доставляется «горячей». Хотя целевой аудиторией я не являюсь и на рассылку новостей не подписывался: ведь каждый раз отмораживаюсь, никогда еще после эфира не бежал зырнуть на новоиспеченную божественную сиську – не очень меня вставляет такое развлекалово. Что я, титек не видел, что ли?

Квелый, тот-то помешан на женской груди, то есть, на полном серьезе, он фанат сисек, у него самая большая в мире коллекция фотографий с женскими грудями. О Квелом даже фильм документальный снимали. Ничего себе, нормальный такой фильмец: Квелый там о себе рассказывает, сидит у себя в кресле (у него в доме вся мебель выполнена в виде женской груди), плетет какую-то ахинею о том, как он придумал сиськи коллекционировать... в общем, неплохой фильм – профессионально сработали. Только одно не показали – причину его помешательства на сиськах. Квелый никому об этом не рассказывает, но я-то знаю: у него мутация – на голове, непосредственно на темечке, сосок. Не, реально! Сосок на голове – жутко эрогенная зона, он его никому не показывает, все в шапочках ходит. Квелый-то, конечно, все отрицает, но я почти на сто уверен, что у него эта хрень вся фанатичная именно из-за соска на голове, думаю, он ему как-то на мозг влияет.

Ладно, в общем. Звонил, значит, Квелый и разбудил меня, мутант беиеный. Я, конечно, от предложения лицезреть очередную сверхшикарную сиську отказался, положил трубку и закрыл глаза. Нет, черт, уснуть не могу, пропал сон – пришлось вставать. Выбрался из-под одеяла, закурил и пошел в ванную комнату зубы чистить. Сначала посмотрел на себя в зеркало: интересно, я всякий раз помят по-разному, что говорит о том, что раз на раз не приходится, и новый день хоть чем-то отличен от предыдущего... хотя все равно понимаю, что помят я от однообразия. Потом включил воду. Тянусь за тюбиком с пастой, а его и нет. Вместо этого лежит записка: «Больше так не могу. Вы постоянно давите на меня. Ухожу. Прощайте. Вечно зубная ваша паста». Что за черт! Что за день сегодня такой? Выспаться не дали, паста ушла – лажа какая-то! Бессмыслица и чушь!

Я поводит щеткой по зубам, пошатался по дому. Делать нечего, и никто не подскажет, что бы поделать, да и нет никого. Я один. За окном раскаленный город, скачущие людишки – как попкорн на сковородке. Пойду и я, присоединюсь к ним – стану одним из миллиарда. Скачущим не так, как все.

Мне пересек дорогу человек-черепаха, он медленно переставлял четыре свои конечности, и я заплулся об него. Реакция мгновенная – голова, руки, ноги исчезают в отверстиях панциря. Я стучу по нему костяшками пальцев, желая принести свои извинения, но панцирь пуст. И я иду дальше. В голове, хотя, черт знает, может быть, над всей улицей, бесится яростный ритм и зычный голос время от времени орет что-то нечленораздельное. Вдруг мимо в шикар-ной тачке с открытым верхом пролетают две гламурные кисы – глаза с поволокой, в зубах длинные белые сигареты с тройным угольным фильтром. Клевые, считается! Ха! Да ведь я их знаю! Прикладываю к губам указательный и средний палец, просовываю между ними язык и ожесточенно вращаю им. Они посылают мне воздушные поцелуи. Значит, тоже помнят, помнят киски тот вечер в клубе «Дребезг».

Я иду дальше, я никуда не спешу, мне нечего делать и не о чем думать, я свободен... а еще я немного зол.

Глава 2. Поэт дождя и ощущение времени

Ночь сомневалась в собственном существовании, ибо не могла ни видеть, ни слышать себя; иногда приходило ощущение самочувствования, но оно было столь мимолетно, столь нематериально, что не убеждало. Никто не может с уверенностью сказать, существует ли мир ночью, никто не может быть уверен в том, что проснется. . . проснется в том самом мире, в котором уснул накануне. Ночь, усомнившись в собственном существовании, может истечь в никуда, забрав с собою весь мир и спящего человека.

Ежи открыл глаза: комната бледнела бесцветным утренним светом, тусклые стены жадно впитывали прозрачность безжизненных лучей невидимого солнца. В комнате было прохладно, батарея грела не слишком сильно, а электрический обогреватель, стоящий в ногах подле кровати, Ежи вчера не включил – оттого так хорошо было под теплым одеялом: внутренний жар тела ощущался ярче обычного в контрасте со свежестью внешнего мира. Пологий потолок, до которого ближе к стене можно было легко дотянуться рукой, мерный стук дождя по крыше, мягкое одеяло – все это делало угол, где стояла кровать, невероятно уютным; казалось, все линии пространства стремятся сюда, в этот угол, который является вершиной упавшей на бок многогранной пирамиды мироздания.

Ежи лежал еще некоторое время, прислушиваясь к тихому монологу воды и к ответным вздохам старого дома, потом, наконец, откинул одеяло и встал. На часах было 9:34. Он подошел к окну – бледно-синий с серыми тенями пейзаж: угрюмо-серебряные тучи висят неподвижно и хмуро, равномерно изливая на землю тяжесть свою дождем. Они монотонно мрачны, и только одно размытое пятнышко чуть-чуть просвечивает, сквозит захороненным под тяжестью многослойных туч светом далекого солнца. Бурая река будто кипит: грузные капли дождя взбивают на поверхности ее мелкие пузыри, а туман, словно жаркий пар, поднимается клубами, но не уходит к небу, а стелется ковром, укрывая от любопытного взгляда горизонт. Деревья печальными монахами никнут ветвями к земле, укрывшись длинной рясой осклизлых листьев, еще не успевших опасть. Те же листья, что не удержались на ветвях, превратились в однородную массу, похожую на гнилую овсяную кашу, покрывающую всю землю.

Ежи отошел от окна, часы показывали 10:11. Еще вчера он решил, что утром прежде всего отправится в магазин покупать зонт.

Город синел, нечеткий, размытый, печальный; полинявшие дома стекали бесформенными каплями на усталый асфальт, обволакивая черные камни мостовой. Серое небо, серые крыши, серый дым из труб – все с блеклым оттенком синевы. Темные деревья, словно водоросли, безжизненно и плавно текли в непрерывных дождевых потоках. Зябко – от дождя или больше от тишины пустых улиц. Ежи прошел мимо «Далекой Пристани», мимо бара Тома, углубляясь в центр города, и скоро увидел дом с вывеской, по которой можно было понять, что здесь располагается магазин зонтов. Он потянул тяжелую дверь, и над головой сдавленно брякнул колокольчик.

Внутри было довольно мрачно – тусклый свет единственной темно-зеленой лампы, стоящей на прилавке, скудными лучами орошал внутренности маленького магазина, в многочисленных углах и закутках которого покоились навек уснувшие тени. Под лампой сидел человек, согнувшись над железным скелетом зонта, еще не обтянутого брезентовой кожей, он возился с ручкой, налаживая механизм открывания. Гладкая лысина зеленела, а голая голова казалась чрезмерно большой на фоне узких плеч мастера.

– Доброе утро, – обратился Ежи, подходя к самому прилавку.

– Доброе, – не отрываясь от работы, пробурчал мастер.

– Меня зовут Ежи, я всего два дня у вас в городе и вот решил приобрести зонт.

Мастер отложил работу и поднялся со стула, – это был худощавый и очень высокий человек. И нельзя было точно сказать, каковы черты лица его и его возраст, ибо голова уносилась длинной шеей под самый потолок, скрываясь там в непроглядной тени.

– Амбер, – представился мастер, и Ежи пожал протянутую ему сухую узкую ладонь с длинными костлявыми пальцами, и только по ладони Ежи определил, что ее обладатель – довольно пожилой господин. – Значит, вам нужен зонт?

Ежи смотрел вверх, но видел только размытый силуэт.

– Да... думаю, черного цвета и большой, – ответил он.

– Позвольте предложить этот, – с полок позади прилавка, неразличимых во тьме, Амбер достал черный длинный зонт и положил его перед Ежи.

– Но он, кажется, не совсем новый, – сказал Ежи, разглядывая ручку зонта, выполненную из белой кости, имеющей явные приметы прежнего использования – несколько грубых довольно глубоких округлых царапин.

– Других нет, это единственный готовый зонт, – сказал мастер, – будете брать? Берите же.

– Сколько он стоит? – спросил Ежи.

– Он ваш, – отвечивал Амбер.

– То есть? – не понял Ежи.

– Вы же видите, он не новый, да и не нужен никому, кроме вас, так что я не возьму с вас денег.

Амбер замолчал.

– Что ж, спасибо, – Ежи пытался рассмотреть лицо мастера, но от долгого вглядывания в темноту ему начало казаться, что лица нет вовсе. Ежи отступил к дверям и, выглянув в небольшое окошко, ромбом выбитое в двери, произнес:

– Пожалуй, самое выгодное дело в этом городе – продавать зонты, дождь бесконечен...

– Дождь бесконечен – в этом его и слабость, и сила...

Ежи обернулся.

– Это стихотворение местного поэта, – объяснил мастер. – Вы встретитесь с ним, если пройдете чуть дальше, до площади. – Амбер опять уже сидел за прилавком, освещаемый зеленым светом тихой лампы, и занимался недоделанным зонтом. И лица его все так же нельзя было разглядеть.

– До свидания, господин Амбер, – сказал Ежи, вышел на улицу и раскрыл зонт.

Под черным широким пологом брезента было уютно: не видно было серого плачущего неба, и капли, зависающие на доли секунды на кончиках спиц, виделись не слезами дождя, а изысканными украшениями – необычайной чистоты маленькими брильянтами. Ежи любовался ручкой зонта: на белой кости золотой гравировкой струились бесконечные ряды цифр – то шли стройно, по порядку, то путались, перестраивались, менялись местами, образуя изящные завитки, которыми опутывали всю поверхность ручки.

Рука в кармане плаща крепко сжимала брелок в виде песочных часов – Ежи шел в мастерскую часовщика. Улица постепенно расширялась, дома расступались, увеличивая расстояние между собой, так что улица наконец сделалась настолько просторной, что смогла позволить себе устроить посередине небольшую аллею. Ежи шагнул на расшатанные бетонные плиты и пошел не спеша меж двух рядов высоких тополей, на серой коре которых темными подтеками дождь рисовал минорные свои абстракции. Пропитанные насквозь тяжелой влагой широкие скамейки с покатыми спинками давно забыли тепло человеческих тел и теперь напоминали брошенные старые лодки, разъедаемые безжалостным, но неспешным прибоем, будто намеренно оттягивающим неизбежный их конец. Чугунные боковины скамеек, изгибом походившие на морских коньков, расшатались и покосились, и вряд ли можно было бы теперь сесть на эти скамейки, даже и при желании. Ежи шел медленно, ступая аккуратно, – некоторые плиты были совсем ненадежны и при неосторожном шаге поднимались, вздымая таившуюся под ними

лужу. Ежи старался ступать на те плиты, из-под которых вялыми пучками пробивалась желтая тоненькая трава.

Аллея была не особенно длинной и выводила на центральную площадь города (хотя в действительности площадь нельзя было назвать центральной, ибо располагалась она на самой окраине и одной своей стороной соприкасалась с лесом). От этой, единственной в городе, площади брали свое начало пять основных улиц, которые затем, разветвляясь всевозможными проулками, переулками и тупиками, приходили на набережную, где и завершали свое течение. Каждая из пяти улиц имела аллею, по одной из которых и прошел Ежи. Город, таким образом, своей планировкой напоминал полукруг паутины или распахнутый веер, обретенный кем-то ровно между бесконечным лесом и бескрайней рекой.

Ежи вышел на площадь, небольшую, с чуть заметным наклоном в сторону набережной, мощеную синим, с белыми прожилками, камнем. В центре площади стоял памятник, чернея на фоне бледно-синего леса. Это был бронзовый человек в длинном плаще, он держал в правой руке раскрытый зонт, опущенный к земле, а левая рука его была согнута в локте и обращена ладонью вверх, так, будто бы человек желал удостовериться, что дождь прошел; голова человека была запрокинута, и светлый взгляд устремлен к проясняющемуся небу – дождь кончился... И хотя в самой скульптуре не было ничего печального, нестерпимо горько было видеть ее, ибо дождь шел... бил по улыбающемуся бронзовому лицу, по протянутой доверчиво ладони, копился в глубокой чаше опрокинутого зонта, проливаясь затем через край и смешиваясь с бесчисленными дождевыми потоками, оживляющими своим движением холодный камень площади. Ежи подошел ближе к памятнику и на бронзовой табличке прочел имя: «Ангетенар Рем», под именем прописными буквами шли строки стиха:

Дождь кончился, с ним кончился и я.
И в этот час, у самого исхода,
Так хочется пожить еще немного,
В последний раз пролиться влагой бытия.
Но дождь прошел, уже впитался в землю.
И умер я и погребен в земле —
В речах грунтовых вод, как в старом сне,
Я снова его струям тихим внемлю.
Дождь знаком бесконечности отмечен, —
Я снова будто жив... и жив, и мертв, и вечен.

Ежи поднял глаза и еще раз посмотрел на памятник: Ангетенар Рем, – нужно будет поискать его стихи в библиотеке Келлеров.

Обойдя памятник, Ежи направился к двухэтажному дому, первый этаж которого тускло блестел темными стеклами пыльной витрины, а над входом качалась на одной цепочке вывеска с надписью: «Часы», вторая цепочка порвалась и, извиваясь на ветру, дрожала чугунными звеньями. В витрине множеством разнообразных часовых механизмов тщательно измерялось время – на всех циферблатах 12:06. Ежи посмотрел на свои часы, так и есть – все часы идут верно. На брелоке два ключа, подошел тот, что поменьше, – замок жалобно скрипнул, и дверь тихо поплыла, раскрываясь внутрь магазина.

И вдруг Ежи почувствовал прикосновение, обернулся: это был Фреди – тот самый пьяница из бара «Чистая капля».

– Я вчера был сам не свой, – сказал Фреди, глядя себе под ноги.

– Это точно. – Ежи смотрел на него и видел, что Фреди вовсе не пьян, скорее безумен: он переступал с ноги на ногу, словно пританцовывая, затягивался сигаретой отчаянно, а затем подносил руку с зажженной сигаретой ко лбу и напряженно тер его ладонью.

– ...Смеялся над самим собой, думал о том, что не свершится!.. – продолжал Фреди. – Это как пророчество... как заклятье! Мудак!.. – вдруг крикнул он и уставился на Ежи. – Всю жизнь говорить только о себе и служить только себе и своему мозгу, пристрастному, ненасытному. Он хочет каждый раз, каждое мгновение новой пищи и новых жертв. Для него нет ничего святого, как и для меня после его ночных проповедей.

– Моему мозгу, знающему все мои страхи, не стоит никакого труда пугать меня каждую ночь, – ответил Ежи и сам устрасился слов, сорвавшихся с его языка. Фреди стоял перед ним в оцепенении, он был напряжен: каждая жила на лице и шее его выпятилась и заостенела, на лбу пульсировала синяя вспухшая вена, неживые глаза не моргали.

– О чем ты, Фреди? Что это? – тихо спросил Ежи.

А Фреди вдруг сник, глаза его стали пусты, спокойны и безразличны. Он закурил новую сигарету и тихо произнес:

– Однажды я тоже починил часы... но как? Равновесие нарушено... – он развел руками и медленно побрел куда-то в сторону леса.

Ежи смотрел ему вслед, и странное чувство рождалось в нем: нет, Фреди говорил не о нем, но и не о себе, Фреди говорил о том, чего нет, о том, чего он знать не мог...

Ежи дрожал. Серый силуэт плыл через площадь, мимо памятника поэту – рыжая копна волос, прибитая струями непрекращающегося дождя, светилась серебром воды. Почему он без зонта, подумал Ежи. Что он знает? Фреди остановился у памятника Рему, задрал голову, уставившись на небо, и, повторяя жест поэта, протянул ладонь. Ежи показалось, что Фреди что-то сказал, по крайней мере, его губы шевелились. Лишь одно слово, но какое именно, Ежи слышать не мог. Фреди вдруг обернулся, увидел Ежи и, словно испугавшись того, что за ним наблюдают, бросился бежать, размахивая руками так, будто бы он плывет. Ежи отвернулся. Желудок скрутило. Из мастерской часовщика, сквозь щель открытой двери, веяло безумием – монотонное тиканье множества часов угнетало. Дрожащими руками Ежи закрыл дверь, повернул ключ в замке и пошел прочь.

В «Чистой капле» почти никого не было – обедала пожилая пара: господин с редкими седыми, но до сих пор вьющимися волосами, в клетчатом теплом шарфе, связанном, очевидно, его крохотной женой, сидевшей здесь же, напротив, и с благородным достоинством прихлебывавшей суп серебряной ложечкой. И больше никого. Том тек по барной стойке, огибая пепельницы и чашечки из синего стекла, наполненные ядрами соленого арахиса и фундука. Есть не хотелось, но желудок Ежи сжимался в конвульсиях, и он заказал куриный бульон.

Съев чуть меньше половины тарелки, Ежи медленно поднялся из-за стола, надел плащ и направился к выходу, где и столкнулся с пожилой парой, тоже только что закончившей свой обед и собравшейся уходить. Пожилой господин открыл дверь перед дамой, но та не спешила – она смотрела на Ежи.

– Вы тот молодой человек, что поселился на пятом этаже в доме господина Цамера, не так ли? – спросила она.

– Точно так, – ответил Ежи и представился: – Меня зовут Ежи.

– Эд, – обратилась она к мужу, – этот молодой человек живет над нами, его зовут Ежи.

– Очень приятно, – пожилой господин пожал Ежи руку. – Я Эдуард Вельт, это моя жена Эльза, мы живем в квартире номер шесть, четвертый этаж, искренне рады новому соседу.

– Эд, я испеку пирог, – воскликнула госпожа Вельт. – Ежи, вы непременно должны завтра обедать у нас.

– Господин Ежи, прошу вас не отказываться, такого пирога, какой готовит моя Эльза, вы не найдете нигде, – с улыбкой добавил господин Вельт.

– Спасибо за приглашение. Обязательно буду, – ответил Ежи. – Вы сейчас идете домой?

– Да.

– Если вы не против, я составлю вам компанию.

Они вышли из «Чистой капли», раскрыли зонты. У супругов Вельт был один зонт на двоих: он обнял ее за плечо, она прижалась к нему. Ежи шел рядом, со стороны госпожи Вельт, ибо именно она говорила, глядя все время на Ежи и совершенно не обращая внимания на дорогу, полностью доверяясь в этом мужу.

– Почему вы поселились у Цамера, господин Ежи? – спросила она, лишь только они сделали первые шаги.

– Мне посоветовал господин Керлиц.

– Керлиц? Слышал, Эд?

– Хозяин гостиницы советует снимать квартиру, – как-то неоднозначно ответил господин Вельт.

– Господин Керлиц, кажется, начинает сильно походить на своего брата, – сказала госпожа Вельт.

– На брата? – переспросил Ежи.

– На Тома, – и госпожа Вельт чуть мотнула головой, указывая на дверь, из которой они только что вышли.

– Так они братья?

– Да, Том – старший, но Керлиц, видимо, догоняет его в пристрастии ко сну и неподвижности, если уже ленится работать и способствует съезду постояльца, – улыбнулась госпожа Вельт.

Ежи пожал плечами:

– А мне он показался весьма расторопным и гостеприимным. Думаю, он просто хотел, чтобы я задержался в вашем городе. Дал мне ключи от мастерской часовщика. Ведь у вас нет часовщика. И я действительно подумываю о том, чтобы заняться этим делом – кажется, многие часы идут неверно. Тех денег, что есть у меня сейчас, надолго не хватит. А я решил остаться, мне нравится здесь, так почему бы и не...

Говоря все это, Ежи и не заметил, что супруги Вельт отстали. Осознав, что продолжает путь в одиночестве, Ежи обернулся: Вельт стояли в нескольких шагах от него, и Эдуард, наклонившись к жене, что-то горячо объяснял ей. Ежи осторожно подошел к ним.

– Простите, что-то не так? Я что-то не то сказал? – спросил он.

Господин Вельт выпрямился, впервые посмотрел на Ежи пристально и, жестом предложил продолжить путь, сказал:

– Позвольте уточнить, господин Ежи, – голос его чуть заметно дрогнул, – так вы часовщик?

– Тот же вопрос задал мне и господин Керлиц, когда я починил его часы, – ответил Ежи. – Нет, я не часовщик и никогда им не был, но мне не доставляет труда починить простейший часовой механизм. Странно, что это приводит людей в волнение и замешательство. Что такого в том, что я могу починить часы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.